

Н.С. Чайченко
(МГУ, Москва)

**К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК
ОППОЗИЦИОННО НАСТРОЕННЫХ СТУДЕНТОВ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ПО ДАННЫМ АГЕНТУРНОГО ОТДЕЛА
МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ, 1902–1916 ГГ.
(БАЗА ДАННЫХ И ЕЕ АНАЛИЗ)¹**

Целью данной работы является анализ основных социально-политических черт революционного студенчества Московского университета.

Студенческое движение было важной частью революционно-демократических процессов начала XX в. Как известно, каждый четвертый российский студент учился в Московском университете, и именно он получил определение "революционный"². Поэтому анализ студенческого движения данного учебного заведения представляет особый интерес при изучении истории всего студенческого движения дореволюционной России.

Революционная ситуация, сложившаяся в России в начале XX в., ознаменовалась быстрым подъемом революционного студенческого движения. Даже деятельность студенческих организаций научного характера, допущенных царским правительством, очень скоро принимает совсем не тот характер, на который рассчитывало правительство, разрешая эти организации. Накануне революции 1905—1907 гг. достаточно четко определяется политическая дифференциация студенчества. Весь 1905 г. характеризуется активным участием передовых студентов Московского университета в революционной деятельности. Царское правительство было вынуждено ввести "Временные правила" 27 августа 1905 г., предоставлявшие автономию Московскому университету. Новый учебный год 1905/1906 гг. начинался в Московском университете в период предельного обострения политического положения в стране. После поражения Декабрьского вооруженного восстания происходит усиление репрессий. Начало 1910/1911 гг. учебного года совпало с обстановкой оживления революционной борьбы пролетариата. Напуганное новым подъемом студенческого движения, царское правительство снова переходит к репрессиям. Увольнение царским министром Кассо выборной администрации Московского университета послужило поводом к выражению открытого протеста со стороны

---

¹ Работа ведется при поддержке гранта РФФИ №1В-299.

² В.И. Ленин. П.С.С., т.11. С.317.

преподавателей и студентов. В знак протеста около одной трети профессоров и приват-доцентов университета демонстративно подали заявление об отставке. В то же время благодаря активной деятельности полицейских органов революционная часть студенчества была изгнана из университета. Только к сентябрю 1913 г. происходит оживление студенческого движения в университете. Поражение царской армии весной-летом 1915 г. привело к быстрому нарастанию революционного кризиса в стране. Октябрь 1917 г. университет встретил в состоянии глубокого финансового кризиса.

Попытаемся понять, кем были политически активные студенты с точки зрения социально-демографических характеристик, обозначить их общий социальный портрет. Из целого ряда источников, содержащих в той или иной степени интересующие нас сведения, мы остановились на двух, достаточно достоверных и взаимодополняющих друг друга: это материалы Агентурного отдела Московского охранного отделения и «Алфавитные списки студентов Имп. Московского университета».

Основной источник нашей работы – материалы Агентурного отдела Московского охранного отделения, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) – это картотека, содержащая более 30 тысяч карточек со сведениями о лицах, за которыми было установлено наблюдение в 1902–1917 гг.³ Карточки расположены в алфавитном порядке по фамилиям. Конечно же, к материалам фонда часто обращались исследователи, но в основном по отдельным персоналиям; в целом же этот источник еще мало изучен. Во-первых, это связано с тем, что до недавнего времени доступ к картотеке Департамента полиции имели только сотрудники архива, по просьбе исследователей наводившие справки о нужных персоналиях. Во-вторых, для привлечения массовых источников необходимы специальные методики и технологии, которые появились сравнительно недавно.

Можно сказать, что наша работа – одна из первых попыток раскрыть информационный потенциал этого источника⁴.

В карточках указаны сведения о фамилии, имени, отчестве, звании и сословии, домашнем адресе, революционной кличке, кличке наружного наблюдения, роде занятия и названии организации, в которую входил наблюдаемый. Иногда имеются фотографии. Указываются предпринятые "охранкой" меры (обыски, аресты), кличка агента, ведущего наблюдение; приводится содержание донесения. Не все карточки заполнялись полностью, чаще всего имелась информация о ФИО, звании, дате наблюдения и партийности. Кроме этого, партийность наблюдаемого можно было определить по цвету карточки: розовый цвет обозначал

---

³ ГА РФ, фонд 63, 28 оп., 31 000 ед.хр., 1902-1917.

⁴ См. недавнюю публикацию: Бородкин Л.И., Копылова О.Н. База данных «Картотека агентурного отдела Московского охранного отделения»: к анализу социального портрета // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 2001.

эсеров, голубой – социал-демократов, салатový – анархистов, желтый – студенческое движение, белый – общественное движение. Часть карточек заполнена довольно неразборчиво, что составляло определенную сложность при работе с картотекой.

Донесения агентов наружного наблюдения знакомят нас с целым рядом деталей: кто с кем встречался, подпольные клички, круг общения попавших под наблюдение, их возраст и социальный статус. Но у такого источника есть специфические особенности – агенты описывают события сквозь призму личного восприятия. Большинство филеров были людьми малообразованными, и в этом плане филерская служба, несмотря на все усилия чинов политического сыска, так и не смогла в основном подняться выше унтер-офицерского уровня. Это также учитывалось при работе с материалом, как и то, что донесения не всегда содержат точную и полную информацию.

Вторым, не менее важным источником, стали «Алфавитные списки студентов и посторонних слушателей Имп. Московского Университета»⁵. Как было отмечено, карточки охраны редко заполнялись на 100%, поэтому информация «Алфавитных списков» позволила заполнить многие пробелы. Эти списки издавались самим университетом, как правило, один раз в течение каждого учебного года. В них содержалась информация о факультете, годе поступления, месте рождения, месте предварительного обучения, звании, годе рождения и вероисповедании студента. К сожалению, данные за 1905/1906 академический год не были использованы, поскольку в архиве сохранился лишь «Добавочный список», составленный к осени 1906 г. В нем отсутствуют сведения о месте предварительного обучения и годе рождения. Списки за 1906/1907 академический год вообще не сохранились.

В целом, этот источник, несмотря на неполную сохранность, обладает высокой степенью достоверности в силу своего происхождения. Поэтому в спорных моментах при расхождениях в данных о том или ином студенте, зафиксированных в донесениях филеров и в «Алфавитных списках», предпочтение отдавалось последнему.

На первом этапе работы из картотеки "охранки" были выбраны все студенты Московского университета, попавшие под наблюдение. Если на одно лицо было заведено несколько карточек, что встречалось довольно часто, то оставлялась одна. В результате мы получили 887 карточек. Далее были привлечены к работе «Алфавитные списки»; 742 персоналии из 887 были обнаружены и там. Данные по этим студентам дополнили сведения о вероисповедании, месте предварительного обучения, наличии медалей при окончании средних учебных заведений, факультете, годе поступления и рождения, и, при необходимости сверить данные с карточками "охранки" – о звании и месте жительства. 145 студентов не удалось найти в "списках", у 47 из них графа "ФИО" заполнена частично или не

---

⁵ Алфавитные списки студентов и посторонних слушателей Имп. Московского Университета. М., 1901–1916.

заполнена вообще, а имеющиеся сведения слишком скудны (часто указана только партийность). Таким образом, идентифицировать этих студентов оказалось невозможным. Оставшиеся 98 человек имеют достаточно полные сведения, и их отсутствие в «Алфавитных списках» можно объяснить тем, что, во-первых, до нас дошли не все списки (напомним о неполном списке за 1905/1906 гг. академический год и полном отсутствии данных за 1906/1907 гг.), и, во-вторых, политически активные студенты подвергались большому риску раннего исключения из университета.

На втором этапе в результате работы с двумя источниками нами была создана просопографическая база данных объемом 887 записей⁶. Архивная информация была распределена по 16 основным полям электронной базы:

- ФИО
- Революционные клички
- Клички наблюдения
- Причина наблюдения
- Звание (сословная принадлежность, иногда профессия отца или студента)
- Партийность
- Факультет
- Год поступления
- Место предварительного обучения
- Место рождения
- Вероисповедание
- Год рождения
- Возраст на момент взятия под наблюдение
- Год взятия под наблюдение

Для проведения аналитических процедур, построения графиков и таблиц большая часть сведений БД подверглась кодировке по способу «открытой шкалы». При кодировании важно было сохранить как можно больше ценной информации о студентах. Ведь в некоторых информационных полях количество вариантов исчислялось сотнями. Так, вариантов места рождения около 270, поля «звание» – чуть меньше 50. Следует отметить, что база данных имеет достаточно высокую степень полноты данных. Принадлежность к тем или иным партиям или общественным движениям зафиксирована у 90% студентов, «звание» – 89%, факультет – 84%, год поступления в Московский университет – 83%, место рождения – 89%, место предварительного обучения – 83%, конфессиональная принадлежность – 84%. Правда, полной, 100% информации нет ни по одному информационному полю.

---

⁶ Использовалась СУБД Access.

Таким образом, созданная база данных охватывает вполне репрезентативный материал для достижения поставленной цели работы. Данная база может быть использована и для решения информационно-справочных задач.

Важно отметить, что созданная база данных по революционным студентам Московского университета является наиболее репрезентативной из всей существующей научно-справочной литературы данного профиля.

В базе данных содержится целый ряд известных имен: Н.И. Бухарин, Г.В. Вернадский, С.С. Спандарян и др., что конкретизирует картину революционного студенчества Московского университета. Но на данном этапе работы ставилась цель изучить обобщенный портрет этой категории революционных студентов Московского университета. Поэтому понятно, что результаты работы носят статистический характер.

* * *

Обработка информации велась в нескольких направлениях и, прежде всего, обращалось внимание на партийную принадлежность, распределение по сословиям, возраст. В результате анализа были получены основные характеристики социального портрета революционных студентов по всей базе данных и по каждой политической партии (движению) в отдельности.

В партийном распределении на первом месте оказалась партия эсеров – к ней карточки "охранки" относят 36% студентов (рис. 1). Эти результаты противоречат мнению некоторых историков, писавших о преобладающем влиянии социал-демократов на учащуюся молодежь⁷. Далее идут социал-демократы (включая небольшое число представителей национальных с.-д. партий) – 26%. Третья по численности категория – "студенческое движение" (24%). Обычно в эту категорию "охранка" относила студентов – членов землячеств, кружков, правления студенческой столовой, редакции студенческой периодической печати. Сюда же попадали студенты, высказывавшие симпатии революционным идеям, выписывавшие оппозиционную печать или же общавшиеся с "подозрительными" лицами. За принадлежность к движению анархистов попали под наблюдение полиции 2,7% лиц из нашей базы. Возможно, небольшой удельный вес членов этого движения объясняется тем, что московские анархисты не играли значительной роли в российском анархическом движении⁸. Среди студентов практически отсутствуют представители либеральных партий, что может указывать на слабое влияние последних на учащуюся молодежь.

---

⁷ Латышев О.И. Московский университет в революционной борьбе в период первой русской революции 1905-1907 гг. Афтореф.дисс... канд.ист.наук. М., 1954. С. 477.

⁸ История политических партий России. М., 1994, С.198.

Для проведения аналитической работы по информационному полю «звание», содержащему дословную запись из соответствующей карточки, пришлось преобразовать его в три новых поля. Первое поле передавало сословную характеристику, второе – профессию отца, и третье – профессию самого студента. Таким образом, удалось перейти от весьма аморфной записи «звание» к более четким характеристикам профессионально-сословной принадлежности. В целом на представителей податных сословий (из мещан и из крестьян) приходится 30,2% записей, причем с явным лидерством мещан – 22,9% от общего числа студентов (рис. 2). Студенты, происходящие из привилегированных сословий (потомственные и личные дворяне; потомственные (почетные) и личные граждане; духовенство, купечество и казаки) составляют 28,8% от общего числа оппозиционно-настроенных студентов Московского университета. Здесь лидируют дворяне – 11% всех студентов. Хотя при объединении представителей сословных групп потомственных (почетных) и личных граждан и купечества мы получим тоже 11% от общего контингента. У 27,4% студентов в нашей базе в поле «звание» была указана профессия отца с заметным преобладанием сыновей чиновников – 21,6%.

К какому сословию относятся эти студенты, сказать трудно, но некоторые исследователи, например, А.Е. Иванов, относят их, скорее, к привилегированным сословиям⁹. В таком случае более половины студентов Московского университета участников революционно-демократического движения принадлежали по своему сословному происхождению к средним и высшим слоям российского общества. Эти данные подтверждают мнение современных историков о том, что тяжелое материально-бытовое положение студентов не было основным революционизирующим фактором¹⁰.

Распределение по признаку “факультет” показывает, что значительная доля взятых под наблюдение студентов (31%) обучалась на юридическом факультете (рис. 3), затем следуют физико-математический факультет – 23% и медицинский – 21%. И всего лишь 9% универсантов из нашей базы учились на историко-филологическом факультете. Это в основном соответствует количественному соотношению факультетов Московского университета по общему числу обучающихся студентов¹¹. Поэтому, с одной стороны, этим можно объяснить тот факт, что наиболее политически активными были юристы. С другой стороны, особенности программы обучения (изучение международного права, политической экономии и т.д.) на этом факультете, а также профессорско-преподавательский состав могли способствовать росту активности политической и гражданской позиции учащихся.

---

⁹ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX вв. Социально-историческая судьба. М., 1999. С. 187.

¹⁰ Там же. С.2.

¹¹ История Московского университета в 2-х т. / Ред. М.Н.Тихомирова. М., 1955. Т. 1. С. 369.

Ярко выраженный пик численности студентов, попавших в картотеку Департамента полиции, приходится на 1910/1911 гг., после чего она заметно снижается, и к 1916 г. возвращается к уровню 1905 года, когда в течение года заводилось дел не более, чем на 13–16 студентов (рис. 4)¹². Данная картина противоречит мнению многих исследователей о том, что после поражения революции 1905–1907 гг. политическая активность студентов падает, а накал антисамодержавного радикализма снижается¹³. По нашей рабочей гипотезе, такую динамику можно объяснить и тем, что Московское охранное отделение после размаха первой русской революции усилило и активизировало свою деятельность, в том числе и в организации наружного наблюдения за учащейся молодежью.

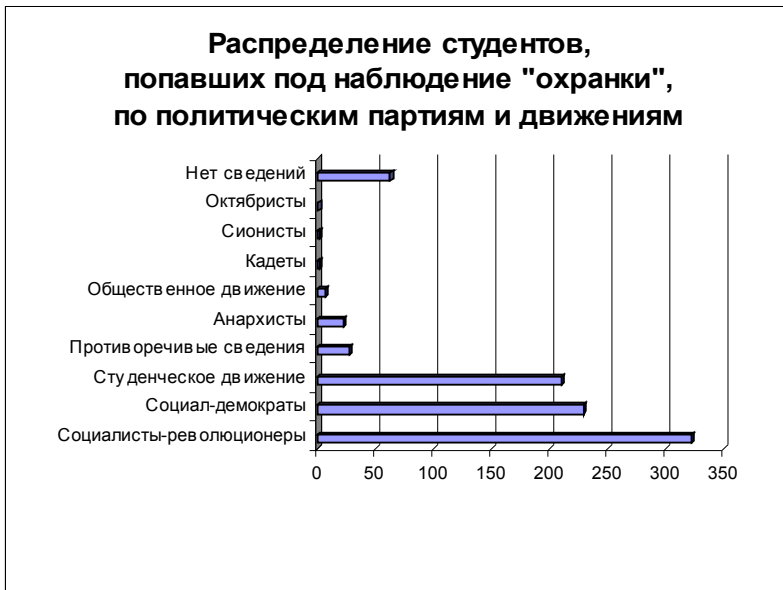
Анализ базы данных позволил получить обобщения к социальному портрету революционного студенчества Московского университета начала XX века. Наиболее характерной оказалась следующая группа студентов: члены партии социалистов-революционеров, родом из средних или высших слоев российского общества, поступившие на юридический факультет Московского университета в 1907–1909 гг.; окончившие гимназию губернского города, входящего в Московский Учебный Округ, православные, в возрасте 22–25 лет, взятые под наблюдение "охранкой" в основной в 1910/1911 гг.

В дальнейшем автор готовит более обширную версию материала для публикации в 2004 г.

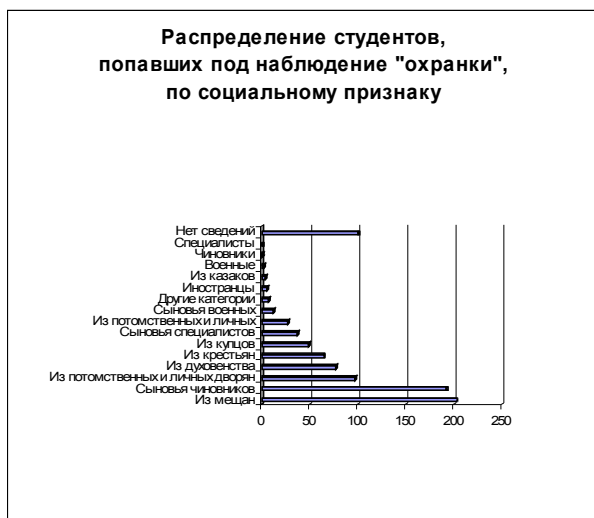
---

¹² Интересно, что график динамики численности всех лиц, взятых под наблюдение московской "охранкой" имеет тот же вид, что и полученный нами для студентов Московского университета. См.: Бородкин Л.И., Копылова О.В. Указ. соч.

¹³ Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX вв. С. 7.

Рис. 1.

Рис. 2.

Распределение студентов, попавших под наблюдение "охранки", по факультетам

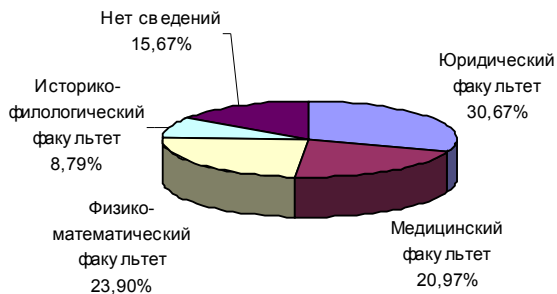

Рис. 3.

Рис. 4